

О.А. Сухорукова

Деформация национального дискурса: к истории вопроса

В статье рассматривается проблема истоков национализма. Почему происходит деформация национального дискурса, при котором естественный исторический процесс нациообразования приводит к национализму? Каковы причины этого явления и что служит предпосылками для формирования национализма? Отвечая на эти вопросы, автор анализирует такие понятия, как нация, секулярное общество, рассматривая их взаимосвязь через ценностные ориентиры.

Ключевые слова: политический национализм; секулярное общество; квазирелигия; обожествление нации; трансцендентные ценности.

В 1926 г. в Париже в четвертом номере журнала «Путь» вышла статья Г.В. Флоровского «Метафизические предпосылки утопизма». Статья была посвящена памяти известного русского философа П.И. Новгородцева, автора фундаментальной антиутопической монографии «Общественный идеал». Если Новгородцев большую часть своей работы посвятил анализу европейской политической и правовой мысли, ее деформации в сторону утопизма, то Флоровский, продолжая размышлять на эту тему, основное внимание сконцентрировал на религиозных истоках утопической мысли. «Общественный утопизм есть только симптом и как бы верхний пласт целого и целостного мировоззрения..., — пишет философ, — надо с предельной зоркостью увидеть, что в несдержанные утопические чаяния уводит совсем не только необузданная фантазия отдельных безответственных фанатиков, но и какая-то роковая последовательность самой трезвой мысли... Неслучайно ведь в утопизм упиралась по-своему и средневековая католическая мысль, и обмирщавшая философия Нового времени — эпоха Просвещения, и эпоха «исторической реакции», и современный богоборческий социализм» [10: с. 279].

Характерно, что в первой четверти XX в. представители отечественной философии большое внимание уделяют вопросу общественного идеала, возможности или, наоборот, невозможности его реализации в исторической действительности.

Это понятно, так как идет своеобразная социальная рефлексия после драматических перемен в истории Российского государства. Поэтому несчастливым явлением стали такие работы и у П. Новгородцева, и Г. Флоровского.

Между тем мы знаем, что в первой половине XX в. набирают популярность националистические идеи, которые либо соединялись с социалистическими, как это было в Германии в виде социал-национализма, либо обретали самостоятельное существование, как это было у хорватов, украинцев, венгров и других европейских народов.

Сегодня в XXI в. мы видим возрождение радикального национализма, при этом идея нации опять, как и в начале XX в., идет рука об руку с идеалом общественного устройства. В чем же причина этого явления и почему оно носит перманентный характер?

И у национализма, и у общественного идеала, невзирая на существующие отличия, есть общее начало, общие исходные позиции. Говоря об истоках общественной утопической мысли, Г. Флоровский указал на его метафизические предпосылки. Следуя за Флоровским, говоря о национализме, рассмотрим эти же исходные позиции.

Век XIX стал веком формирования идеологий и наций. Оба эти явления появляются и сосуществуют параллельно, в какие-то моменты пересекаясь. Вследствие этого, говоря о процессе создания нации, нельзя не говорить о его взаимосвязи с той или иной идеологией или даже о ее замещении в том случае, когда нация сама олицетворяет идеологию. В случае, когда «нация становится идеологией», выражая высшие ценности в обществе, мы видим появление национализма или его радикального варианта — нацизма. Исходя из этих особенностей, необходимо разделить понятия: *национальность* и *национализм*. Если о формировании наций многие специалисты говорят как о закономерном, историческом явлении, которое характерно для индустриального общества, то проблему возникновения национализма оценивают как деформацию национального дискурса или как неверное толкование национальности (так называемый «ложный национализм»).

В чем причины деформации национального дискурса или что такое национализм? Проблема сложная и неоднозначная, попробуем рассмотреть ее с двух позиций. Вначале определимся с понятием «нация». Поскольку нация является продуктом Нового времени, а значит, ее формирование происходит в контексте секуляризованной культуры, нам необходимо уточнить: что мы подразумеваем, говоря о секулярном обществе.

Большая часть современных исследователей сходится на том, что точкой отсчета процесса образования наций и идеологий является эпоха Нового времени, замечая, что особый импульс процесс национального образования приобретает со второй половины XVIII в. — с периода Великой Французской революции. Время появления и развития индустриального общества, его демократизация создают такие предпосылки для возникновения наций,

как развитие промышленности и массовой культуры с ее обязательным компонентом — становлением и распространением всеобщего образования. Сегодня нет единого общепринятого понимания нации, существует много дефиниций, которые группируются по двум направлениям: примордиалистскому и конструктивистскому. Данное деление условно, так как каждое направление по изучению национального вопроса имеет ограниченный характер. Нельзя говорить о нации только с позиции примордиализма, так как мы понимаем, что нация не является постоянной и неизменной субстанцией исторического процесса. С другой стороны, мы не можем признать, что нация — это некая абстракция или метафизическая конструкция, возникшая без опоры на определенный этнический материал.

Приведем несколько примеров по определению нации и обозначению факторов, повлиявших на ее формирование. Философ русского зарубежья П.М. Бицилли определял нацию как культурный оригинальный феномен: «Нация есть культура, т. е. творчество, создание ценностей. В творчестве народ, как и единичная личность, выражает себя, свою душу, свою индивидуальность. Всякая же индивидуальность ограничена» [1: с. 120]. На культурный аспект национальности обращает внимание современный исследователь В.М. Межуев: «...принципом существования национальных культур в отличие от культур народных является... свободная в своем самовыражении и духовном выборе личность. Если народ можно определить как коллективную личность (здесь личность как бы одна на всех), то нация — это коллектив личностей, где каждый имеет свое неповторимое лицо. Нация тем и отличается от народа, что рождает и культивирует особый тип личности, способный быть чем-то большим, чем просто слагаемое той или иной коллективной общности. Она не отрицает своих этнических корней, целиком вбирает их в себя, но потому и не является этнографической категорией, что связывает людей единством не крови, а культуры, которая дается индивиду не от рождения, а в результате его собственных усилий и свободного выбора» [6: с. 12].

Немецкий социолог К. Дойч считает, что образование нации есть следствие урбанизации, формирования рынка и сети железных дорог. Системы коммуникаций, без которых невозможны эти процессы, позволяют сформировать национальную общность. Британский ученый Э. Хобсбаум полагал, что национальная традиция, выраженная через определенную символику (литература, гимн, костюм), может сыграть решающую роль в процессе нациообразования. Эта традиция может быть вне исторического прошлого, она «изобретается» интеллектуальной элитой и становится основой единой национальной общности. По замечанию современного классика национализма Х. Кона, «национализм — это прежде всего и в основном способ мысли, творение сознания, которое становилось все более и более общим, начиная со времен Французской революции... Национальности являются продуктом исторического развития общества. Они неидентичны кланам, племенам

или народным группам — группам, объединенным реально существующим или предполагаемым родством и местом проживания. Подобные этнографические группы существовали на протяжении всей истории с самых ранних времен, но они не формируют национальностей; они не что иное, как «этнографический материал», из которого при определенных обстоятельствах может произойти национальность» [5: с. 36–37].

Б. Андерсон определяет нацию как культурный артефакт и говорит о формировании нации как о процессе возникновения новых смыслов, идей, образов и систем ценностей. Меняется историческое время, меняется мировоззрение: вместо религиозного — светское. Секуляризм вытесняет религиозную культуру. Поэтому нация приходит на смену сакральным образам общности — религиозному, династическому.

При суммировании определения нации и причин ее формирования можно выделить следующие положения: нации появляются в период индустриального общества; нация — это культурный конструкт, и хотя он создается на основе этнографического (этнического) материала, он не является этнической категорией, в основе которой доминируют кровно-родственные связи; нация — это определенное представление общества о себе самом; нацию можно сконструировать или создать; нация — это явление секуляризованной культуры.

Обратимся к понятию «секулярное общество», рассматривая варианты и определения по его классификации. Так, П. Бергер, предлагая свою типологию секулярного общества, замечает, что «любые типологии, конечно, слишком упрощают социальную реальность, однако полезно иметь в виду весь спектр существующих секуляризованных вариантов. Во-первых, существует умеренный вариант, характерный для традиционного американского взгляда на разделение церкви и государства. Затем существует более радикальный вариант, представленный французской *laïcité*, а позднее позицией ACLU, в котором религия одновременно ограничивается приватной сферой и защищается законодательством о религиозной свободе. И, наконец, существует секуляризм (как в советской ситуации), который приватизирует религию и стремится ее подавить; и его приверженцы могут быть столь же фанатичными, как и религиозные фундаменталисты» [2: с. 12]. Американский социолог Х. Казанова выделяет три положения, которые определяют секуляризованное общество: религия теряет свою социальную значимость; происходит приватизация религии; религия превращается в одну из подсистем общества наряду с другими.

Данные подходы к определению секуляризации общества показывают важную особенность: религиозное мировоззрение больше не является всеобщим и определяющим, каким было до Нового времени. Общественное мировоззрение стало дифференцированным, формально религия стала одним из элементов по восприятию и объяснению картины мира. В лучшем случае религия занимает автономное положение в обществе, становится приватным делом человека, и религиозные взгляды и убеждения защищаются законом,

но при этом они не могут получить равного и достойного применения в мировоззренческой парадигме. В худшем случае, религиозные идеи недопустимы, и люди, исповедующие их, подвергаются гонениям. Обмирщение культуры привело к отмене религиозных представлений о человеке, обществе, государстве, и поэтому секуляризация культуры начиная с XVII в. изменила расстановку ценностных ориентиров. И хотя эти перемены коснулись только образованной части общества, они не могли не сказаться на общей тенденции общественного сознания.

Изменив правовой, политический и социальный статус религии, человек в эпоху рационального века не мог трансформировать свою сущность, отметить свою потребность в высшей абсолютной ценности (или высших ценностях), высшем нравственном законе. Слишком тонкая грань между священным и мирским стала главной причиной неверного толкования высших абсолютных ценностей. Эта особенность привела к тому, что в отдельных случаях вместо трансцендентной ценности Божественного Бытия в культуре появляются иные объекты поклонения и превосходства, выражающие высший смысл и значение в жизни общества. Этими объектами становятся (в зависимости от исторической традиции и особенностей той или иной культуры) государство, человек, личность, этнос, природа и др. Каждый из них может символизировать высшую ценность, выступать в качестве высшего идеала, в некоторых случаях обожествляться. В результате, как замечает Флоровский, мир воспринимается как «органическое целое», в нем присутствует «соблазн пантеизма», когда соотношение мира и Бога уравнивается: «Есть только мир, — мир как всеединство. И это значит, что мир есть Бог» [10: с. 279].

Таким образом, одним из важнейших последствий секуляризации стало уравнивание абсолютного и относительного через соединение двух сфер бытия, перенос абсолютных трансцендентных ценностей на земную плоскость, что в конечном итоге привело к утопичности общественной мысли XIX в. Утопия может быть выражена либо через создание общественного идеала или идеала национального. Важно, что и тот и другой идеал выражают высшие абсолютные ценности.

Данной проблеме была посвящена работа известного философа и правоведа П.Н. Новгородцева «Об общественном идеале». Анализируя западноевропейскую и отечественную социальную философию, Новгородцев делает вывод о том, что в ее основе лежала идея о возможности создания идеального общества. От просветителей XVIII в. до учения К. Маркса это идея будет главенствовать в общественном сознании. В этом и будет заключаться проблема и кризис общественного правосознания — так обозначит П.И. Новгородцев ситуацию в области общественной философии. Кризис, по его мнению, заключался в том, что на «пути стремления к сверхприродному и божественному приходят к обоготворению исторического и относительного...» [7: с. 70], тогда как «в относительных условиях действительности абсолютный идеал

никогда не станет обладанием и блаженством. Полагать такую цель историческому созиданию — значит сбиться на ложный путь» [7: с. 68], ибо «тот идеал абсолютного блаженства, которого жаждет религиозное сознание и которое представляется как слияние относительного с абсолютным, как увековечивание человека в Боге, имеет в виду жизнь потустороннюю, порядок сверхприродный» [7: с. 70].

Параллельно с созданием и «обожествлением» общественного идеала идет процесс «обожествления нации» — нового явления (конструкта) в индустриальном обществе. Поскольку секуляризация культуры вытеснила церковь за границы общекультурной парадигмы и перенесла церковные функции на политические и общественные институты, это стало одним из факторов, повлиявших на изменение приоритетов в мировоззренческой парадигме XIX в., в которой отдельные идеологии, в том числе и понимание нации, приобретают сакральный характер.

Об этой проблеме соотношения национального и религиозного в XX в. пишет представитель русской эмиграции первой волны Н.А. Клепинин. «Имеет ли национализм религиозный смысл? Может ли он быть оправдан и утверждён религией или он совсем для нее безразличен? Этот вопрос особенно остро стоит в наше время. Ответы на него даются различные. Многие русские люди именно через национальную боль пришли к церкви. Для них национализм неразрывно связан с религией. Именно в религии, и только в религии они видят подлинное обоснование национализма... с другой стороны, есть другие люди, которые, именно придя к вере и Церкви, отвернулись от национализма» [4: с. 700].

Эта проблема, как считает Клепинин, напрямую связана с религиозным кризисом современного общества. Этот кризис затронул либо неопитов, либо людей, переживших мировоззренческий кризис, служивших до революции земным ценностям. В любом случае, как считает Клепинин, «для людей, бывших всегда церковными, этот вопрос не возникает, так как истинный национализм не противоречит вселенскости. Наоборот, путь к вселенскому лежит только через национальное... но национализм не должен утверждать своей самостоятельной, абсолютной ценности. Этим он теряет свое религиозное утверждение и лишается своего смысла» [4: с. 706–707].

Таким образом, Клепинин указывает на одну очень важную особенность национального процесса в христианской культуре. Нация появилась и существует как соподчиненная система в лоне метафизического процесса. Идея создания нации сопряжена с высшим религиозным смыслом. Нация или народ (если речь идет об эпохе Средневековья), их создание, роль в истории и предназначение целиком и полностью зависят от Божественного провидения. Сама по себе нация (народ) не является самостоятельной и автономной культурной единицей, ориентированной на себя и видящей смысл своего образования в себе самой. Нация подчинена высшей религиозной задаче, смыслу Божественного устройства мира. Классический пример — это история еврейского

народа, его создание как избранного народа, задача которого заключалась в том, чтобы сохранить веру в единого Бога.

При научном подходе, исследуя различные идеологии Нового времени, мы не придаем им высшего и безусловного значения. Но как только какая-либо категория — будь то нация, государство или общественное устройство — приобретает абсолютную категорию, это учение становится квазирелигиозным. Если речь идет о нации, то процесс национального дискурса деформируется, и мы видим обожествление нации, т. е. становление крайних форм национализма, чаще всего он проявляется в идеологиях расового или этнического превосходства. Эту особенность секулярного общества, его роль в формировании национализма отмечал Х. Кон: «Только в современной истории человек стал рассматривать национальность в качестве центра политической и культурной жизнедеятельности. Поэтому национальность не абсолютна, и большая ошибка (лежащая в основе большинства крайностей современности) — рассматривать ее как Абсолют, как некую объективную априорную данность, как источник всей политической и культурной жизни» [5: с. 37]. И, продолжая, Кон указывает на две неверные теории по трактовке национального вопроса: «...согласно первой теории, кровь или раса есть основа национальности... другая рассматривает народный дух (Volksggeist) как неисчерпаемый источник национальности во всех ее проявлениях...» [5: с. 37].

Квазирелигиозность — обожествление нации — идет рука об руку с политической мотивацией этого явления. Такая деформация национального дискурса обусловлена утилитаризмом Нового времени. Утилитарность вообще характерна для культуры индустриального общества, в котором господствуют экономические и политические интересы. Как заметил П. Сорокин, «истина, доведенная до нормы чистого удобства, до условности, до идеологии или “деривации”, прославляющая экономические и другие интересы, сама уничтожает себя. Ибо каждый в равной степени правомочен заявить, что его идеология верна лишь по той простой причине, что полезна ему» [8: с. 480]. В результате этой полезности появляется так называемый политический национализм, при котором происходит замена понятий. Вместо культурного смыслового наполнения национального конструкта мы видим политический субъект, который активно участвует в борьбе за свои интересы.

О политизации национальности пишет британский историк Э. Хобсбаум, отмечая, что «начиная с 1880-х годов дискуссии по “национальному вопросу” приобретают серьезность и остроту, особенно среди социалистов, поскольку политическое влияние национальных лозунгов на массы потенциальных или действительных избирателей или сторонников массовых политических движений превратилось теперь в насущный вопрос реальной политики» [11: с. 71].

Не случайно в конце XIX – начале XX в. большой популярностью пользуется политико-правовая формула «Право наций на самоопределение», согласно которой создание национального государства стало одним из главных и авторитетных принципов по созданию нации. О неразрывном единстве

народа и государства пишет историк А. Градовский, отмечая, что «в новейшее время, особенно с успехами гражданской и политической свободы народов, национальный вопрос получает в Западной Европе другую постановку. В глазах новейшей политической философии, в самостоятельности государства олицетворяются как право верховной власти на независимость, так и право каждой народности на самостоятельное развитие... через государство осуществляется некоторое право народности на самостоятельную народную жизнь» [3: с. 9].

Одним из первых критиков политического национализма стал русский философ-евразиец Н.С. Трубецкой. Изучая европейскую трактовку национального дискурса, Трубецкой создал классификацию (три типа) так называемого «ложного национализма», отдельные направления которого, по его мнению, нашли свое воплощение не только в европейской, но и в российской политике. Первый тип характеризуется утверждением нацией своей индивидуальности через государственную независимость. Лозунг «право наций на самоопределение» означает стремление нации к государственному суверенитету, государственной самостоятельности и, по существу, означает желание не восстановить самобытную национальную культуру, а реализовать общепринятый европейский шаблон: стать такими же, как государства европейского мира, стать на них похожими. Государственность и ее независимость становятся самоцелью, и это направление приводит к потере национального лица. При втором типе национальная идеология превращается в шовинизм, когда одна нация стремится насадить свои культурные ценности другому народу. Третий тип: национализм превращается в «культурный консерватизм» [9: с. 51], в стремление искусственным путем сохранить исторические формы народной жизни, не подвергая их изменениям.

Как замечает Н. Трубецкой, все три вида «ложного национализма» не решают главной задачи: задачи самопознания народной личности, при помощи которой нация сможет найти свою культуру, свои духовные ценности и тем самым прийти к наиболее соответствующей форме государственного устройства и всей культурной личности в целом. Обозначенные типы национальной идеологии, напротив, приводят либо к денационализации, либо к главенству какой-либо одной культуры и подавлению всех остальных, либо к застою и несовершенству всей общественной организации.

О политическом национализме, который стал популярным среди стран Восточной Европы в XIX и в XX вв., пишет М. Бицилли, отмечая, что «он гонится и за максимальной “самобытностью”, и за тем, чтобы его нация выглядела “как все”, “не хуже других”» [1: с. 124], и в результате мы видим ряд новых национальных образований, у которых есть все признаки нации, но нет самой нации. Ложный национализм, говорит философ, приводит не к созданию уникального национального конструкта, он только оформляет тот этнический материал, который существовал ранее, и делает это по общепринятому европейскому шаблону: стать такими же, как государства европейского мира, стать на них похожими.

Государственность и ее независимость становятся самоцелью, и это направление приводит к потере национального лица. Парадокс заключается в том, что, гонясь за самобытностью, политик устремляется к общепринятым признакам нации (в данном случае речь идет о европейских стандартах: язык, территория, государственный суверенитет). Именно поэтому создание нации через принцип политической целесообразности приводит к обратному результату. Вместо национального организма, обладающего своими культурными ценностями, получается суррогат, некое подобие оригинальной индивидуальности.

Наша современность предлагает нам ситуацию, в которой политический элемент принимает на себя чужую функцию, для него не свойственную. Говоря о национальном вопросе или проблеме национализма, необходимо отметить, что понятие национализма нельзя рассматривать с позиции «истинно – неистинно» или по принципу противопоставления: «национализм – патриотизм», где понятие национализма носит негативный характер, означая приоритет одной нации, ее возвышение над другими нациями, а понятие патриотизма — положительное значение, означающее любовь к Отечеству, к своему народу. В отличие от выше-названных определений, в данном случае национализм — это понятие, которое раскрывает процесс становления нации, что само по себе не имеет аксиологической оценки. Однако становление секулярного сознания и обмирщение культуры создают предпосылки для переноса трансцендентных ценностей в политическую сферу, создавая из нации культ, обожествляя ее. Результатом становится формирование национальной идеологии, которая вместо живого, вполне конкретного и своеобразного национального организма создает уродливую копию сконструированного общественного идеала.

Литература

1. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
2. *Бергер П.* Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8–20.
3. *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. СПб.: Тип. и Лит. А.Траншиля, 1873. 320 с.
4. *Клепинин Н.А.* Мысли о религиозном смысле национализма // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1927. № 6. С. 700–709.
5. *Кон. Х.* Идея национализма // Нация и империя. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: М.: Новое изд-во, 2010. С. 27–62.
6. *Межуев В.М.* Глобальное и локальное в современной культуре // Россия в диалоге культур. М.: Наука, 2010. С. 5–36.
7. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 638 с.
8. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
9. *Трубецкой Н.С.* Об истинном и ложном национализме // Мир России — Евразия. М.: Высшая школа, 1995. С. 43–55.
10. *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. 432 с.
11. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.

Literatura

1. *Bicilli P.M.* Izbranny'e trudy' po filologii. M.: Nasledie, 1996. 710 s.
2. *Berger P.* Fal'sificirovannaya sekulyarizaciya // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. № 2. S. 8–20.
3. *Gradovskij A.D.* Nacional'ny'j vopros v istorii i literature. SPb.: Tip. i Lit. A.Transhilya, 1873. 320 s.
4. *Klepinin N.A.* My'sli o religioznom smy'sle nacionalizma // Put'. Organ russskoj religioznoj my'sli. 1927. № 6. S. 700–709.
5. *Kon X.* Ideya nacionalizma // Naciya i imperiya. Mify' i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma: M.: Novoe izd-vo, 2010. S. 27–62.
6. *Mezhuev V.M.* Global'noe i lokal'noe v sovremennoj kul'ture // Rossiya v dialoge kul'tur. M.: Nauka, 2010. S. 5–36.
7. *Novgorodcev P.I.* Ob obshhestvennom ideale. M.: Pressa, 1991. 638 s.
8. *Sorokin P.A.* Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
9. *Trubeczkoj N.S.* Ob istinnom i lozhnom nacionalizme // Mir Rossii — Evraziya. M.: Vy'sshaya shkola, 1995. S. 43–55.
10. *Florovskij G.V.* Iz proshlogo russskoj my'sli. M.: Agraf, 1998. 432 s.
11. *Xobsbaum E'.* Nacii i nacionalizm posle 1780 g. SPb.: Aletejya, 1998. 306 s.

O.A. Sukhorukova

**Deformation of the National Discourse:
to the History of the Problem**

The article considers the problem of the origins of nationalism. Why happens the deformation of national discourse, in which the natural historical process of nation formation leads to nationalism? What are the causes of this phenomenon, and that served as a prerequisite for the formation of nationalism? In answering these questions, the author analyses such concepts as nation, secular society, considering their relationship through value orientations.

Keywords: political nationalism; secular society; quasi-religion; deification of the nation; transcendental values.